

Тяжёлые чёрные тучи заволокли небо, не позволяя солнечным лучам коснуться земли. Увядавшая трава и золотистые стебли тростника, росшие на окраине города Цзин, мелко дрожали от холодного дыхания северного ветра, который переплетался с нитями проливного дождя, идущего в середине зимы, и превращал его капли в колкие льдинки. Леденящий душу холод окутывал собою всё пространство. Он даже пробирался за стены Дворца Наказаний, что находился во внутреннем Императорском Дворце, где был таким же полноправным хозяином, как и сам император.

Этот дворец был самым жутким и самым пугающим местом на земле.

Люди называли его Холодным Дворцом[1]. Здесь жили опальные и неугодные императору наложницы. Независимо от того, большим был дворец или маленьким, он являлся самым пугающим и тёмным местом, куда не пожелала бы войти ни одна живая душа, пребывающая в здравом уме. То же можно было сказать и о Дворце Наказаний. Этот дворец был построен для того, чтобы содержать в нём королевских особ, совершивших ужасные преступления. Проще говоря, эта была тюрьма, оснащённая орудиями пыток, и здесь любой статус терял свою силу, стоило только провинившемуся перешагнуть порог.

Эти места внушали страх. Едва услышав о них, наложницы и жители дворца резко менялись в лице, бледнея от ужаса.

И в один из таких серых промозглых дней в западные ворота дворца в сопровождении группы самых лучших солдат тихо въехала четырёхколесная лошадиная повозка, закрытая со всех сторон плотными занавесками. Миновав маленькие ворота, она проехала чуть дальше и остановилась у входа во Дворец Наказаний. Достигнув пункта назначения, генерал, который на протяжении всего пути оберегал и защищал карету, спрыгнул с коня. Оказавшись на земле, он подошёл к передней части кареты и в нерешительности остановился перед ней. Возможно, эта обтянутая со всех сторон плотной тканью повозка была вполне обычной и ничем не примечательной, однако в данный момент она у многих вызывала чувство угнетения.

Печаль тяжёлым дыханием пропитывала холодный воздух, и общая атмосфера сильно сказывалась на генерале, который стоял возле повозки, не в силах вымолвить ни слова. Спустя несколько минут тяжёлого молчания он всё же смог разомкнуть губы.

— Ваше Высочество, мы приехали, — низким голосом сказал он.

Услышав голос генерала, кто-то высунул руку и приподнял тяжёлую занавеску. Вслед за этим на пороге появилась длинная тонкая тень человека, который, согнувшись, через несколько мгновений вышел из повозки. Проведя какое-то время во тьме, он не мог вынести даже простого неяркого света и потому прищурил глаза.

— Уже? — раздался тихий голос в тишине, и неизвестный поднял голову, стараясь привыкнуть к свету.

Его взгляд зацепила надпись, висевшая впереди: «Дворец Наказаний». Юноша поглядел на тропу, вдоль которой росли аккуратные деревья, и сердце его тревожно забилось в груди, словно птичка, желающая вылететь на волю. На красивом молодом лице мелькнула тень страха, но вскоре она исчезла, когда юноша вернул себе самообладание. С благородной сдержанностью он медленно опустил взгляд и спросил:

— Это и есть Дворец Наказаний?

Этот голос был похож на лёгкое журчание ручейка и принадлежал человеку с мягким

кротким характером. Как же его обладатель оказался в таком холодном ужасном месте?

— Да, — тихо ответил генерал, однако так и не нашёл в себе силы, чтобы взглянуть на лицо принца, который в свои юные годы был втянут в эту проклятую борьбу за трон.

Старшему сыну императора Янь-ди, принцу Юн Ци, в этом году едва исполнилось шестнадцать лет, после чего его сразу же нарекли кронпринцем, будто боясь, что этот титул достанется кому-то другому, однако не прошло и полугода, как он был отобран.

Юн Ци обладал необычайной красотой. У него были яркие глаза и белые зубы, похожие на жемчужины с морского дна. Его лицо можно было назвать изящным, и многие восторгались этой тонкой чистой красотой. Пронзительный взгляд иссиня-чёрных глаз, затмевающий своей притягательностью мириады звёзд, излучал доброту и ласку.

Но так он выглядел раньше. Заглянув в прошлое, когда его нарекали наследником престола, можно было сказать, что теперь Юн Ци выглядел совершенно иначе. Сейчас юноша был вымотан и истощён настолько, что его вид вызывал только жалость.

— Ваше Высочество, прошу Вас, нам нужно идти. Нас уже ждут во Дворце Наказаний, — напомнил о себе генерал.

— Кто будет меня допрашивать? — спросил Юн Ци.

— Ваш слуга не знает.

— Я хочу увидеть отца. — Ответом ему было молчание. — Я хочу увидаться с императором. Прошу, помоги мне передать ему записку[2], — мягко сказал принц, и его слова не были похожи ни на просьбу, ни на приказ. Так умел говорить только Юн Ци, старший сын.

— Ваше Высочество, — склонил голову генерал, — тем, кто попадает во Дворец Наказаний, не разрешено передавать записки, но Вы можете попросить об этом у министров, если они не откажут Вам.

Молчание, что было ответом, тяжёлым камнем легло на сердце. После нескольких минут тишины Юн Ци свёл изящные брови к переносице и, печально улыбнувшись, тихо произнёс:

— Похоже, мне остаётся надеяться только на лёгкую смерть. — Тяжело вздохнув, юноша сделал шаг и направился к лестнице, что вела во Дворец Наказаний.

Внутри его ожидала группа людей с недобрыми выражениями лиц. Все эти люди были чиновниками и высокопоставленными знатными людьми, которым было приказано проконтролировать задержание Его Высочества. Заметив перед собой подошедшего Юн Ци, глава чиновников с холодным выражением начал:

— Меня зовут Чжан Чэнь, и я являюсь чиновником Дворца Наказаний. Ваше Высочество, прошу простить Вашего слугу за грубость. Вы приехали сюда, а Ваш слуга не поспешил встретить Вас, да и кланяться не собирается, — сказал мужчина. Очевидно, ему было всё равно, и его извинения были совершенно неискренними. Вид у него был неприятный, но весьма сдержанный, даже холодный. Он указал на жёлтую линию, пересекающую порог, и продолжил: — Эта линия была лично прочерчена императором Тайцзу Лэ. Согласно приказу императора, это место — тюрьма для королевских особ, совершивших тяжкое преступление. Статус здесь не имеет значения: даже если Вы имеете знатное происхождение — Вы всё равно преступник. Вам всё ясно?

— Что здесь может быть не ясного? — закусив нижнюю губу и гордо держа голову, холодно ответил Юн Ци. Он особа королевской крови, разве он может не знать о подобных элементарных вещах? В детстве он прилежно изучал законы своей страны и знал о наказаниях за любое преступление. — Раз я здесь, делайте со мной, что пожелаете. Я приму любое наказание.

— Что Вы, мы не посмеём Вас наказывать. Мы лишь будем делать то, что нам прикажут.

Чжан Чэнь, как и все его предки, служил во Дворце Наказаний всю свою жизнь. Он с раннего детства видел немало несчастных потомков знати, которые с юных лет попадали в эти стены, однако ему ещё никогда не доводилось видеть здесь свергнутого наследника королевского престола. Увидев истощённого Юн Ци, который всё ещё сохранил частичку своего королевского благородства, у Чжан Чэня закрались мысли, что этот юноша не так прост, как может показаться со стороны.

Позади Чжан Чэня появились два чиновника, один из которых держал в руках кангу[3], а другой — ручные кандалы. Выйдя из-за спины главного чиновника, они сделали несколько шагов вперёд и оказались прямо перед Его Высочеством. Юн Ци, к которому всю жизнь относились с огромным уважением, который даже в этот злополучный год был окружён парой служанок и евнухов, никогда не видел вблизи ни кангу, ни ручных кандалов. Окинув взглядом эти холодные оковы, Юн Ци почувствовал, как его душа ушла в пятки. Он видел подобное только на преступниках, к которым никогда не подходил близко. Крепко стиснув свои белоснежные зубы, юноша медленно вытянул руки вперёд.

Тишину прервал звук лязгающего металла, и на хрупких белых запястьях Юн Ци защёлкнулись наручники с тяжёлой металлической скобой. Холодные, тяжелые, они заставили руки опуститься под своей тяжестью. От охватившего душу унижения у Юн Ци закружилась голова, и он чуть не рухнул вниз.

Как только принца заковали в кандалы, на губах Чжан Чэня заиграла слабая довольная улыбка, после чего мужчина повернулся и, вытянув руки в сторону Дворца Наказаний, сказал:

— Ваше Высочество, прошу.

Правила императора Янь-ди гласили: к особам королевской крови и министрам не королевского происхождения нужно относиться по-разному. Если простой министр совершил серьёзное преступление, его делом в большинстве случаев занимались три государственных министра: помощник императора, секретарь и главнокомандующий. Если же преступление было совершено особой королевской крови, то, чтобы история не получила широкую огласку, пороча благородное имя королевской персоны, дело вёл лишь один главный судья.

Однако, возможно, в этот раз всё было гораздо серьёзнее — обвинялся бывший кронпринц, и именно поэтому император Янь-ди нарушил устоявшееся правила и приказал провести тщательное расследование, подключив к этому делу не одного человека. Это дело он поручил двум министрам, одним из которых был Чжан Чэнь. Но кто был вторым министром, ведущим его дело, для Юн Ци до сих пор оставалось загадкой.

С тяжёлым сердцем и деревянной кангой на шее Юн Ци сдвинулся с места, шагая по длинному тёмному коридору, усеянному жёлтыми фонарями. Когда он зашёл в зал для допросов, его взгляд неожиданно зацепился за облик, увидев который Юн Ци резко остановился, словно превратившись в каменное изваяние.

Чётко выделяющиеся дуги бровей, ясные, словно пара звёзд глаза, тонкий и прямой нос,

отличавший его обладателя от других людей. Сам же человек выглядел гордым и невероятно красивым, благородным и самым спокойным среди остальных людей. Эти губы, глаза, нос — это лицо выглядело до боли знакомым и родным, оно вызывало в сердце бурю эмоций, которые мощной волной нахлынули на Юн Ци.

— Юн Линь? — выпалил Юн Ци, в растерянности распахнув глаза.

Сидевший в зале человек был куда спокойнее юноши. Повернувшись к нему, он изогнул губы в улыбке и произнёс:

— Нет, Юн Ци. Это я.

Стоило только принцу услышать этот голос, как лицо его побледнело, затем посерело, но принц быстро вернул себе самообладание.

— Ах, это ты, Юн Шань.

Ещё никогда не случалось такого, чтобы Юн Ци путал Юн Линя и Юн Шаня. Несмотря на то, что его младшие братья были близнецами, он, как самый старший из всех троих, никогда не путал их. Они родились через час после него у наложницы Шу, второй наложницы⁴ императора. Юн Линь, самый младший брат, был добрым, любознательным, умным и немного озорным. И когда Юн Ци сравнивал Юн Линя и Юн Шаня, то видел очевидную разницу.

Юн Линь никогда бы так не улыбнулся. Он не такой, как его брат. Энергия Юн Шаня была ужасно тяжёлой, сдавливающей всё тело и не позволяющей вздохнуть. Его глаза резко вспыхивали ярким блеском, больше напоминая пару острых клинков, готовых пронзить любого насквозь.

Юн Шань был одет в чёрную императорскую накидку, на которой красовались четыре вышитых дракона, а на ноги была надета пара роскошных фиолетовых туфель. Весь облик Юн Шаня был таким спокойным и умиротворённым, словно яшмовое дерево⁵, в ветвях которого запутался ветер. Сидя за большим столом, Юн Шань спокойно глядел на старшего брата, и его взгляд был на редкость спокоен. В нём не было никакой угрозы, однако почему-то в глубине души Юн Ци всё равно боялся его.

— Юн Линь... Как он? — спросил Юн Ци, слегка отворачиваясь и пряча лицо. У него до этого не было возможности узнать, что случилось с младшими братьями, и теперь он хотел услышать ответ на свой вопрос.

— Юн Линь... — неопределённо повторил Юн Шань. — Сегодня не я буду с тобой разговаривать, — с холодностью бросил он следом и махнул рукой, давая понять, что разговор окончен. Создавалось ощущение, что он получал огромное удовольствие от того, что смотрел на Юн Ци сверху вниз, сидя за высоким столом. — Отец-император приказал мне проконтролировать допрос, — начал юноша, обернувшись к чиновнику Дворца Наказаний, — поэтому, Чжан Чэнь, если у Вас есть какие-то вопросы, можете спрашивать.

Сказать, что от услышанного холодного тона Юн Ци остолбенел — это не сказать ничего.

Все три брата вместе были рождены во дворце, вместе учились, вместе играли и даже несмотря на то, что Юн Линя Юн Ци любил чуточку больше за его непосредственность и доброту, он всегда относился к Юн Шаню с теплотой и лаской, нисколько его не обделяя вниманием. К чему в этом мрачном месте, куда не проникнет тёплый луч света и не ступит нога королевы-матери, холодный тон? Почему нельзя проявить к старшему брату немного

ласки? Они словно не родные.

Юн Ци понятия не имел, когда он успел обидеть младшего брата, который теперь вёл себя так, будто не был с ним знаком.

Яркие свечи, горевшие за спиной Юн Шаня, согревали стены, прогоняя прочь холод этого места, однако этот свет не мог развеять тот холод, что исходил с противоположной стороны и пробирал Юн Ци до костей.

Чжан Чэнь раскрыл свиток и, прочистив горло, начал допрос.

— В марте двадцатого года династии Цинь Вы, покинув дворец, встречались с министрами, чтобы вступить с ними в сговор?

— Нет.

— Почему «нет»? В том же месяце Вы, встретившись с Чэнь Цзинем и другими министрами, разговаривали целый час. О чём вы беседовали? Получали ли Вы от министров подарки?

— Да. — Красивое лицо Юн Ци побледнело, приобретая цвет слоновой кости. Сам же принц всматривался куда-то вперёд, словно душа покинула его тело, а после он разомкнул губы и медленно заговорил, рассказывая, как всё было на самом деле: — В марте двадцатого года династии Цинь император провозгласил меня кронпринцем, и в честь этого министры приготовили мне подарки. Это всего лишь часть этикета, там не было место заговорам.

— Просили ли Вы дворцового евнуха У Сяосана отправиться в Императорский Дворец, чтобы тот достал свидетельство о рождении[6] каждого из принцев?

— Нет, — ответил Юн Ци и перевёл взгляд на Юн Шаня.

Но Юн Шань продолжал хранить молчание. Его силуэт утопал в огнях свечей, что горели за его спиной, превращая его в некое подобие статуи. Юн Ци чувствовал, что его прожигают острым изучающим взглядом, в котором был не только интерес, но и что-то ещё, что заставляло сердце биться быстрее.

— Не смейте лгать! — внезапно повысил голос Чжан Чэнь. — Дворцовый евнух У Сяосан, Ваш прислужник, уже во всём признался и рассказал о том поручении, что Вы ему дали. Что Вы на это скажете?

— Когда я был кронпринцем, многие прислуживали мне. — Как бы Юн Ци ни старался, ему не удалось сдержать своей гордости, которая была у каждого из королевских сыновей. Спокойно поглядев на Чжан Чэня, он продолжил с холодным безразличием: — Ты сказал, что У Сяосан рассказал о моём поручении. Должно быть, его пытали, раз он был готов сказать что угодно ради спасения своей жизни. Зачем мне свидетельство о рождении моих братьев?

— Чтобы с их помощью напустить на принцев злые чары.

— Я не занимался подобными вещами, — холодно ответил Юн Ци, и взгляд его чёрных глаз упал на Чжан Чэня. — Было проведено расследование, в котором выяснилось, что это клевета. Об этом знает даже отец. И если об этом известно всем, почему ты спрашиваешь меня об этом снова?

И тут же воспоминания нахлынули на Юн Ци, когда он снова взглянул на Юн Шаня.

Эта ситуация повторялась. Тогда все три брата и их матушка Ли были обвиняемыми в использовании чёрной магии, что являлось ужасным преступлением. Доказательств вины не было, как и опровержений, и тогда начались допросы ближайшего окружения семьи Сунь. В это дело даже был втянут дядюшка Сунь Нань со своими слугами, которым приходилось особенно нелегко. Если прикоснуться к члену королевской семьи никто не посмел бы, то прислуга и евнухи не обладали такой неприкосновенностью, и их имели право пытаться, чтобы выведать всю правду. К счастью, всем удалось избежать огромной беды и доказать, что всё это клевета и что они невиновны.

Вот только кормилица Му[7], которая с детства заботилась о Юн Шане, подверглась серьёзным пыткам, которых, к сожалению, не пережила.

Примечания:

[1] Холодный дворец — покои опальных жён и наложниц императора. Если наложница попадала в немилость, её заставляли жить отдельно и заботиться о себе самостоятельно.

[2] Записка — официальный документ, обращение к императору.

[3] Канга — большая толстая доска шириной в 4-5 ладоней с отверстием посередине. Надевалась шею человеку с двумя листами бумаги, на одном из которых перечислены преступления, на другом — наказания на их совершение.

[4] 嫔(niángniang) наньян можно перевести как устар. матушка-государыня, государыня-императрица, как дальше покажет история, у наложницы Ли и Цзинь титулы именно, что фэйнаньян(фэйнаньян — означает «главная\официальная\императорская наложница первого ранга»).

[5] «Яшмовое дерево» — образ красивого и талантливое человека.

[6] Свидетельство о рождении — дата рождения и гороскоп из восьми знаков.

[7] Кормилица Му (мама Му, Момо) — няня принца, кормившая его в детстве и прислуживающая ему до конца жизни.

<http://bllate.org/book/13372/1189537>